

УДК 342.9

DOI: 10.34670/AR.2026.98.49.047

Цифровые технологии как фактор снижения административных барьеров во взаимодействии государства, бизнеса и граждан

Макаров Иван Николаевич

Доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Липецкий филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
398004, Российская Федерация, Липецк, ул. Плеханова, 5а;
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: excellennzz@gmail.com

Ерусалимский Вадим Моисеевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Липецкий филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
398004, Российская Федерация, Липецк, ул. Плеханова, 5а;
e-mail: yerusalimsky@ranepa.ru.

Аннотация

Взаимодействие государства, хозяйствующих субъектов и граждан традиционно осложняется административными барьерами: избыточным составом документов, дублированием сведений, длительностью и непрозрачностью процедур. Внедрение цифровых технологий рассматривается как основной способ снижения связанных с этим издержек, однако вопрос о том, устраняются ли барьеры или лишь перемещаются в технологическую плоскость, остаётся дискуссионным. Цель работы – установить, при каких условиях цифровые технологии выступают действительным фактором снижения административных барьеров. Применён формально-юридический метод в сочетании со сравнительно-правовым и системным толкованием; эмпирическую основу составили нормативные правовые акты в действующих редакциях и официальные показатели инфраструктуры электронного правительства. Установлено, что снижение процедурного барьера обеспечивается не самой цифровизацией, а правовым переустройством процедур: запретом истребования находящихся у публичной администрации документов, реестровой моделью и проактивным предоставлением услуг. Показатели охвата единого портала подтверждают масштаб перераспределения процедурной нагрузки с заявителя на информационные системы. Одновременно фиксируется трансформация барьеров: зависимость от единой системы идентификации и закрытость алгоритмов принятия решений. Полученные данные означают, что цифровой инструментарий снижает барьеры избирательно – там, где сопровождается пересмотром самих правил взаимодействия, а не механическим переносом прежних процедур в электронную форму.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаров И.Н., Ерусалимский В.М. Цифровые технологии как фактор снижения административных барьеров во взаимодействии государства, бизнеса и граждан // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 6А. С. 468-477. DOI: 10.34670/AR.2026.98.49.047

Ключевые слова

Цифровые технологии, административные барьеры, государственные услуги, межведомственное электронное взаимодействие, электронное правительство, реестровая модель, проактивное предоставление услуг, контрольно-надзорная деятельность, цифровизация, правовое регулирование.

Введение

Административный барьер сохраняется в качестве устойчивого элемента отношений между государством, хозяйствующими субъектами и гражданами, несмотря на многолетние усилия по его устранению. Под ним понимается формально установленное или фактически сложившееся препятствие, повышающее издержки получения услуги, исполнения обязанности либо реализации права: избыточный состав истребуемых документов, дублирование сведений, длительность процедур, непрозрачность оснований отказа. Цифровые технологии на протяжении последних полутора десятилетий позиционируются как основной инструмент снижения таких издержек, и именно с ними связывается переход от разрешительной логики к сервисной модели предоставления услуг. И. В. Погодина связывает этот переход с изменением самой конфигурации отношений между гражданином и администрацией, при котором меняется не только канал обращения, но и распределение процедурной инициативы [Погодина, 2022]. Смещение инициативы, а не факт электронного обращения, определяет реальную величину издержек заявителя.

Вместе с тем эмпирическая картина не подтверждает прямолинейного тезиса о том, что внедрение цифровых инструментов автоматически снижает барьеры. Наблюдение сложнее. Часть препятствий действительно устраняется, тогда как другая часть трансформируется и перемещается в технологическую плоскость – зависимость от единой системы идентификации, недоступность сервисов для лиц без цифровых навыков, закрытость алгоритмов принятия решений. Консенсус в специализированной литературе отсутствует. Оптимистическая линия рассматривает цифровизацию преимущественно как средство дерегулирования и упрощения; в работах о взаимодействии государства и бизнеса подчёркивается снижение транзакционных издержек и изменение традиционных методов регулирования [Игнатьева и др., 2022]. Критическая линия ставит под сомнение способность технологий заместить институциональные дефекты: К. В. Симонов противопоставляет технологический контур управления институциональному и ручному, указывая на ограниченность чисто инструментального подхода [Симонов, 2023]. Это расхождение позиций и образует исследовательскую рамку работы.

Правовая рамка, в которой разворачивается противоречие, задана несколькими актами прямого действия. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в редакции Федерального закона от

29 декабря 2025 г. № 556-ФЗ) закрепил запрет требовать от заявителя документы и сведения, находящиеся в распоряжении органов публичной власти (пункт 2 части 1 статьи 7), что образует нормативное ядро принципа «одного окна». Реформа контрольно-надзорной деятельности, оформленная Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», дополнила это направление пересмотром массива обязательных требований и переносом значительной части взаимодействия бизнеса с ведомствами в электронную форму. Стратегическую надстройку образует национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», паспорт которого утверждён 20 декабря 2024 г. во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

В основу работы положено предположение, что цифровые технологии выступают фактором снижения административных барьеров не сами по себе, а в той мере, в какой их внедрение сопровождается правовым переустройством самих процедур – отказом от истребования документов, переходом к реестровой модели и проактивным предоставлением услуг. О. В. Романовская, рассматривая правовые основы цифрового государства, обращает внимание на то, что технологический слой требует адекватного нормативного оформления, без которого не порождает нового качества управления [Романовская, 2024]. Проверке этого предположения на материале действующего законодательства и актуальных показателей функционирования инфраструктуры электронного правительства посвящены последующие разделы.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено формально-юридическим (догматическим) методом в сочетании со сравнительно-правовым методом и методом системного толкования норм. При квалификации отдельных правовых конструкций применялся телеологический подход, позволяющий соотнести буквальное содержание нормы с целью снижения издержек взаимодействия. Систематизация правоприменительных решений и ведомственной практики опиралась на метод обобщения, а сопоставление редакций нормативных актов – на контент-анализ их текстов в динамике внесённых изменений. Д. П. Мирнов, характеризуя современные тенденции административно-правового регулирования в условиях цифровизации [Мирнов, 2023], выделяет разрыв между темпом технологических изменений и темпом их нормативного закрепления; этот разрыв учитывался при отборе и датировке материала. Приоритет отдавался актам в редакциях 2024–2025 гг. и показателям за 2024–2025 гг.

Эмпирическую основу составили нормативные правовые акты в действующих редакциях: помимо названных законов, привлекались положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ, регулирующего идентификацию и аутентификацию с использованием биометрических персональных данных, к которому отсылает статья 7 Закона № 210-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 521-ФЗ. Статистические показатели функционирования единого портала государственных и муниципальных услуг, а также результаты реформы контрольно-надзорной деятельности приводятся по официальным данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и материалам портала реформы государственного контроля. Информационно-

правовой ракурс цифрового правительства, представленный в работе Л. Н. Сморгачевой [Сморгачева, 2022], использован как одна из отправных точек систематизации. Отбор эмпирических показателей ограничен официальными первоисточниками.

Результаты и обсуждение

Административный барьер по своей природе неоднороден, и различие его составляющих определяет, какие из них поддаются устранению цифровыми средствами. Процедурная составляющая – число процедурных шагов и согласований – сокращается за счёт межведомственного электронного взаимодействия и реестровой модели, при которой юридически значимой признаётся запись в государственном реестре, а не бумажный документ. Информационная составляющая, то есть недоступность или неясность сведений о порядке получения услуги, снимается концентрацией услуг на едином портале. Временная составляющая уменьшается при проактивном предоставлении, когда услуга инициируется по факту наступления жизненного события без отдельного заявления. К. М. Корнакова и Т. Н. Субботина, разбирая цифровые инструменты взаимодействия государства и общества, фиксируют перераспределение процедурной нагрузки с заявителя на информационную систему [Корнакова, Субботина, 2025]. Сходное перераспределение регуляторной нагрузки в отношениях государства и хозяйствующих субъектов отмечает Е. Д. Кожевников [Кожевников, 2025]. Разграничение существенно: оно объясняет, почему один инструмент в одних процедурах барьер снимает, а в других лишь меняет его форму.

Нормативным ядром снижения процедурного барьера служит статья 7 Закона № 210-ФЗ, запрещающая органам, предоставляющим услуги, истребовать документы и сведения, которые уже находятся в распоряжении публичной администрации. Норма переносит бремя сбора сведений с заявителя на систему межведомственного взаимодействия и устраняет наиболее массовый вид препятствия – повторное представление ранее поданных данных. Досудебное (внесудебное) обжалование решений и действий органов, предоставляющих услуги, урегулированное главой 2.1 того же Закона, встроено в электронный контур: жалоба подаётся через единый портал, что сокращает и срок, и издержки оспаривания. Для хозяйствующих субъектов параллельный механизм досудебного обжалования контрольных решений закреплён в рамках реформы государственного контроля. А. П. Шибанов, характеризуя цифровизацию как инструмент взаимодействия органов власти с малым и средним предпринимательством [Шибанов, 2024], подчёркивает, что для этого сегмента снижение барьера измеряется прежде всего сокращением числа контактов с ведомством. Эффект здесь не в скорости отдельной операции, а в исключении самого повода для очного обращения.

Количественные показатели функционирования инфраструктуры очерчивают масштаб охвата. По данным Минцифры, к концу 2025 г. на едином портале государственных и муниципальных услуг зарегистрировано 120 млн пользователей, а число личных кабинетов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей превысило 4 млн. Ежедневная аудитория портала достигла 14 млн человек и увеличилась за год на 40%. Совокупное число заказанных услуг за 2025 г. приблизилось к 900 млн, превысив прошлогодний уровень на 17%. По состоянию на середину 2025 г. на портале были зарегистрированы около 95% граждан старше 14 лет, а в электронной форме предоставлялось свыше 200 государственных услуг. Барьер личной явки при удостоверении документов снимается сервисом усиленной электронной подписи «Госключ», с помощью которого подписано более 40 млн электронных

документов. Значения характеризуют не намерение, а фактически сложившийся канал: для большинства взрослого населения электронное обращение стало основным способом получения услуги.

Наряду с порталом услуг самостоятельное направление образуют электронное взаимодействие государственных органов с гражданами и сопряжённый цифровой документооборот, юридические аспекты которых разобраны в работе Е. В. Березенко, Я. Н. Родительской и И. А. Ряпухиной [Березенко и др., 2025]. Технологической предпосылкой снижения барьера остаётся реализация конституционного права граждан на информацию: доступность и понятность сведений о порядке получения услуги предшествуют самой возможности ею воспользоваться, и без выполнения этого условия процедурные упрощения остаются формальными [Матросова и др., 2024]. Идентификация и аутентификация заявителя при обращении в электронной форме опираются на единую систему идентификации и аутентификации, а также, в силу статьи 7 Закона № 210-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 521-ФЗ, на информационные технологии Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ об идентификации с использованием биометрических персональных данных. Доступ к услуге тем самым привязывается к наличию подтверждённой учётной записи. Эта привязка позднее обнаруживает двойственную природу.

Снижение барьеров во взаимодействии государства и бизнеса не сводится к portalу услуг и обеспечивается пересмотром массива обязательных требований. По материалам портала реформы государственного контроля, в ходе «регуляторной гильотины» отменено свыше 12 тыс. актов, содержащих обязательные требования, что составило около 90% их общего числа, а количество самих требований сокращено примерно на треть. Перевод контрольной деятельности на риск-ориентированный подход сопровождался сокращением числа проверок более чем вдвое – с 1,5 млн в 2019 г. до приблизительно 700 тыс. в 2021 г.; средний срок рассмотрения досудебной жалобы в электронной форме уменьшился до величины порядка двух недель. Обязательный периодический пересмотр требований, введённый Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ, задаёт механизм, не допускающий повторного накопления устаревших норм. А. В. Дудченко, Е. Г. Томбулова и Р. И. Соленова, рассматривая реализацию государственной стратегии по цифровизации бизнеса [Дудченко и др., 2025], связывают устойчивость достигнутого упрощения с институциональным закреплением, а не с разовыми мерами. Устойчивость упрощения, следовательно, определяется не количеством переведённых в цифру операций, а прочностью их нормативной опоры.

Стратегическую рамку дальнейшего движения задаёт национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» с объёмом бюджетного финансирования порядка 1,013 трлн руб. на период 2025–2030 гг. и привлечением около 420 млрд руб. внебюджетных средств. Входящий в него федеральный проект «Цифровое государственное управление» с финансированием около 73,7 млрд руб. ориентирован на переход к полностью безбумажному документообороту, а федеральный проект развития цифровых платформ предусматривает кратное увеличение числа массовых социально значимых услуг, доступных в электронной форме. Сопоставление российского опыта с зарубежным, выполненное М. В. Александровой, Е. А. Маслюковой и О. В. Юткиной [Александрова и др., 2025], показывает, что перевод услуг в электронную форму сам по себе не гарантирует снижения барьера, если не сопровождается упрощением регламентов. Х. З. Окуджава, обобщая мировой опыт применения цифровых технологий в государственном управлении [Окуджава, 2024], приходит к близкому выводу об определяющей роли организационно-правовой среды. Повышение эффективности и

прозрачности управления как самостоятельный результат внедрения технологий отмечено в работе А. О. Кузьминой, А. Н. Мининой и А. А. Зюскина [Кузьмина и др., 2025]. В совокупности эти наблюдения смещают акцент с самого факта цифровизации на качество регламентов, которые она обслуживает.

Наряду с устранением прежних препятствий цифровизация порождает препятствия нового типа, и это обстоятельство сдерживает вывод о линейном снижении барьеров. Доступ к услуге, привязанный к подтверждённой учётной записи и устойчивому подключению, оказывается закрытым для лиц без цифровых навыков или без надёжного доступа к сети, что воспроизводит неравенство в иной форме. Концентрация взаимодействия на единой инфраструктуре повышает цену её отказа: массированные атаки на портал, зафиксированные в феврале 2022 г., показали уязвимость канала, ставшего для многих безальтернативным. Закрытость алгоритмов, на основании которых принимаются автоматизированные решения, затрудняет проверку их обоснованности и образует барьер непрозрачности, смещённый с уровня документа на уровень программного кода. Право заявителя на получение услуги в неэлектронной форме сохраняется по его выбору в силу пункта 6 части 1 статьи 6 Закона № 210-ФЗ, однако отступает в случаях, когда федеральный закон предписывает предоставление услуги исключительно в электронной форме. Институциональная критика, обозначенная выше, здесь получает эмпирическое подтверждение: технология воспроизводит дефекты той организационно-правовой среды, в которую встроена.

Из сказанного вытекает несколько предложений, направленных на то, чтобы цифровизация оставалась фактором снижения, а не перемещения барьеров. Целесообразно нормативно закрепить гарантию сохранения доступного неэлектронного канала получения услуг, затрагивающих базовые права, с ограниченным перечнем исключений, устанавливаемым федеральным законом, а не подзаконным актом. Требуется законодательное требование объяснимости автоматизированных решений: заявитель должен получать мотивированное основание отказа в форме, допускающей проверку, независимо от того, принято решение человеком или алгоритмом. Обоснованным выглядит распространение на цифровые административные регламенты механизма периодического пересмотра, аналогичного шестилетнему циклу для обязательных требований, с тем чтобы устаревшие технологические процедуры не накапливались так же, как ранее накапливались устаревшие нормы. Единый стандарт цифровой доступности сервисов снизил бы барьер для граждан с ограниченными возможностями и низким уровнем цифровой грамотности.

Собранные данные складываются в непротиворечивую картину. Снижение административного барьера достигается не фактом перевода процедуры в электронную форму, а изменением самой процедуры: отказом от истребования уже имеющихся сведений, признанием реестровой записи, инициативным предоставлением услуги. Там, где цифровой инструмент накладывается на неизменённый регламент, барьер сохраняется и лишь меняет носитель. Показатели охвата и результаты пересмотра обязательных требований свидетельствуют о том, что наиболее ощутимый эффект дают правовые решения, реализованные технологическими средствами, а не технология сама по себе. Двойственность цифрового доступа – одновременное снятие одних препятствий и возникновение других – не отменяет общего направления, но требует, чтобы правовое оформление опережало или по меньшей мере сопровождало технологическое внедрение.

Заключение

Если соотнести нормы и показатели, ответ на исходный вопрос оказывается определённым. Цифровые технологии снижают административные барьеры избирательно – в тех процедурах, где их внедрение сопровождается правовым переустройством самого порядка взаимодействия. Механический перенос прежней процедуры в электронную форму барьер сохраняет. Наибольший эффект дают отказ от истребования имеющихся у администрации сведений, признание реестровой записи, переход к инициативному предоставлению услуги и встраивание обжалования в электронный контур.

Из этого следует уточнение самого понятия административного барьера. Его величина определяется не только объёмом обязательных требований и составом истребуемых документов, но и способом взаимодействия – тем, кто несёт бремя сбора сведений, инициирует процедуру и удостоверяет юридически значимые факты. Цифровизация воздействует на обе составляющие: сокращает объём требований в ходе их пересмотра и перестраивает способ взаимодействия за счёт межведомственного обмена и проактивности. Барьер оказывается функцией двух переменных. Совмещение двух воздействий, а не каждое из них по отдельности, даёт устойчивое снижение издержек. Когда технология меняет способ взаимодействия, но не затрагивает объём требований, эффект оказывается частичным; когда она не меняет ни того, ни другого, а лишь оцифровывает бумажный оборот, барьер воспроизводится в новом носителе. Понимание барьера как функции двух переменных объясняет расхождение эмпирических оценок, накопленное в литературе, и снимает видимость противоречия между оптимистической и критической позициями.

Содержательно этот вывод подтверждается числовыми результатами. Охват единого портала, достигший около 120 млн пользователей и приблизительно 95% граждан старше 14 лет, означает не популярность сервиса, а состоявшийся перенос основной массы обращений в канал, где повторное истребование сведений технически исключено. Сокращение обязательных требований примерно на треть и уменьшение числа проверок почти вдвое показывают, что снижение нагрузки на бизнес обеспечено пересмотром норм, а не только их цифровым сопровождением. Показатели отражают перестройку процедур. Мера того, насколько взаимодействие с бизнесом сместилось в электронную плоскость, видна из числа предпринимательских личных кабинетов: их открыто свыше 4 млн.

При этом двойственность цифрового доступа сохраняется. Снятие одних препятствий сопровождается появлением других – зависимости от учётной записи, недоступности сервиса при сбоях инфраструктуры, барьера цифровых навыков и непрозрачности алгоритмов автоматизированных решений. Направление движения это не меняет, но делает правовые гарантии условием его устойчивости.

В практической плоскости вывод касается правового оформления цифровизации. Регулирование здесь первично. Сохранение доступного неэлектронного канала для услуг, затрагивающих базовые права, объяснимость автоматизированных решений и периодический пересмотр цифровых регламентов удерживают технологию в роли средства снижения барьеров. Опора для последнего требования уже существует: обязательный пересмотр обязательных требований закреплён Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ, а нормативное ядро сервисной модели – статьёй 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ в редакции Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 556-ФЗ.

Библиография

1. Александрова М.В., Маслокова Е.А., Юткина О.В. Цифровые технологии в государственном управлении: российский и зарубежный опыт // Муниципальная академия. 2025. № 3. С. 27–35.
2. Березенко Е.В., Родителява Я.Н., Ряпухина И.А. Административное право и цифровизация: вопросы цифрового документооборота, электронного взаимодействия государственных органов с гражданами // Право и управление. 2025. № 10. С. 253–258.
3. Дудченко А.В., Томбулова Е.Г., Соленова Р.И. Реализация государственной стратегии по цифровизации бизнеса // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 1. С. 149–151.
4. Игнатьева И.В., Власова Е.Л., Кирильчик Е.В. Цифровые технологии, используемые для улучшения взаимодействия государства и бизнеса, и их влияние на правосознание и традиционные методы регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 126–128.
5. Кожевников Е.Д. Нормативно правовое регулирование и саморегулирование в области природопользования и охраны окружающей среды и их влияние на конкурентоспособность компаний // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 8. С. 41–49.
6. Корнакова К.М., Субботина Т.Н. Цифровые технологии для взаимодействия государства и общества // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 5 (123). С. 179–183.
7. Кузьмина А.О., Минина А.Н., Зюськин А.А. Внедрение новых технологий для повышения эффективности и прозрачности государственного управления в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 2. С. 49–52.
8. Матросова Л.Д., Борисова О.В., Василенко В.В., Завьялова Н.Ю. Цифровые технологии в реализации конституционного права граждан на информацию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 98–106.
9. Мирнов Д.П. Влияние цифровых технологий в административно-правовом регулировании: современные тенденции // Государственно-правовые исследования. 2023. № 6. С. 171–173.
10. Окуджава Х.З. Мировой опыт применения цифровых технологий в государственном управлении // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 9 (109). С. 3281–3293.
11. Погодина И.В. К вопросу об изменении отношений между гражданами и государственной администрацией в эпоху цифровых технологий // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 3–5.
12. Романовская О.В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 76–85.
13. Симонов К.В. Госуправление на распутье: ручная вертикаль, институты или технологии? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 1. С. 15–20.
14. Сморгачева Л.Н. Цифровое правительство как перспектива государственного управления в России: информационно-правовые аспекты // Правовая информатика. 2022. № 2. С. 25–33.
15. Шибанов А.П. Цифровизация как инструмент взаимодействия органов власти с малым и средним предпринимательством // Барометр экономики, управления и права. 2024. № 3 (39). С. 81–84.

Digital Technologies as a Factor in Reducing Administrative Barriers in the Interaction between the State, Business, and Citizens

Ivan N. Makarov

Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher,
Lipetsk Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
398004, 5a, Plekhanova str., Lipetsk, Russian Federation;
Bunin Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: excellennzz@gmail.com

Vadim M. Erusalimskii

PhD in Economics, Associate Professor,
Lipetsk Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
398004, 5a, Plekhanova str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: yerusalimsky@ranepa.ru

Abstract

The interaction between the state, economic entities, and citizens is traditionally complicated by administrative barriers: an excessive composition of documents, duplication of information, and the duration and opacity of procedures. The introduction of digital technologies is considered the main way to reduce the associated costs; however, the question of whether barriers are eliminated or merely shifted to the technological plane remains debatable. The objective of the work is to establish under what conditions digital technologies act as a genuine factor in reducing administrative barriers. The formal-legal method was applied in combination with comparative-legal and systemic interpretation; the empirical basis comprised normative legal acts in current editions and official indicators of e-government infrastructure. It has been established that the reduction of the procedural barrier is ensured not by digitalization itself, but by the legal restructuring of procedures: the prohibition of requesting documents held by the public administration, the registry model, and the proactive provision of services. The coverage indicators of the unified portal confirm the scale of the redistribution of the procedural burden from the applicant to information systems. At the same time, the transformation of barriers is recorded: dependence on the unified identification system and the opacity of decision-making algorithms. The obtained data mean that digital tools reduce barriers selectively – where they are accompanied by a revision of the very rules of interaction, rather than by a mechanical transfer of previous procedures into electronic form.

For citation

Makarov I.N., Erusalimskii V.M. (2026) Tsifrovye tekhnologii kak faktor snizheniya administrativnykh bar'erov vo vzaimodeystvii gosudarstva, biznesa i grazhdan [Digital Technologies as a Factor in Reducing Administrative Barriers in the Interaction between the State, Business, and Citizens]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (6A), pp. 468-477. DOI: 10.34670/AR.2026.98.49.047

Keywords

Digital technologies, administrative barriers, public services, interdepartmental electronic interaction, e-government, registry model, proactive provision of services, control and supervisory activities, digitalization, legal regulation.

References

1. Aleksandrova, M. V., Maslyukova, E. A., & Yutkina, O. V. (2025). Tsifrovyye tekhnologii v gosudarstvennom upravlenii: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Digital technologies in public administration: Russian and foreign experience]. *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], *3*, 27–35.
2. Berezenko, E. V., Roditeleva, Ya. N., & Ryapukhina, I. A. (2025). Administrativnoye pravo i tsifrovizatsiya: voprosy tsifrovogo dokumentooborota, elektronnoy vzaimodeystviya gosudarstvennykh organov s grazhdanami

- [Administrative law and digitalization: Issues of digital document flow and electronic interaction of state bodies with citizens]. *Pravo i upravleniye* [Law and Governance], *10*, 253–258.
3. Dudchenko, A. V., Tombulova, E. G., & Solenova, R. I. (2025). Realizatsiya gosudarstvennoy strategii po tsifrovizatsii biznesa [Implementation of the state strategy for business digitalization]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii* [Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology], *1*, 149–151.
 4. Ignatieva, I. V., Vlasova, E. L., & Kirilchik, E. V. (2022). Tsifrovyye tekhnologii, ispol'zuyemye dlya uluchsheniya vzaimodeystviya gosudarstva i biznesa, i ikh vliyaniye na pravosoznaniye i traditsionnyye metody regulirovaniya [Digital technologies used to improve state-business interaction and their impact on legal consciousness and traditional methods of regulation]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], *8*(171), 126–128.
 5. Kornakova, K. M., & Subbotina, T. N. (2025). Tsifrovyye tekhnologii dlya vzaimodeystviya gosudarstva i obshchestva [Digital technologies for state-society interaction]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], *5*(123), 179–183.
 6. Kozhevnikov, E. D. (2025). Normativno pravovoye regulirovaniye i samoregulirovaniye v oblasti prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy i ikh vliyaniye na konkurentosposobnost' kompaniy [Regulatory and self-regulatory frameworks in the field of environmental management and environmental protection and their impact on the competitiveness of companies]. *Voprosy prirodopol'zovaniya* [Environmental Management Issues], *4*(8), 41–49.
 7. Kuzmina, A. O., Minina, A. N., & Zyuskin, A. A. (2025). Vnedreniye novykh tekhnologiy dlya povysheniya effektivnosti i prozrachnosti gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [Introduction of new technologies to increase the efficiency and transparency of public administration in Russia]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law], *2*, 49–52.
 8. Matrosova, L. D., Borisova, O. V., Vasilenko, V. V., & Zavyalova, N. Yu. (2024). Tsifrovyye tekhnologii v realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na informatsiyu [Digital technologies in the implementation of the constitutional right of citizens to information]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov], *2*(99), 98–106.
 9. Mimov, D. P. (2023). Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy v administrativno-pravovom regulirovanii: sovremennyye tendentsii [The impact of digital technologies in administrative-legal regulation: Modern trends]. *Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya* [State-Legal Studies], *6*, 171–173.
 10. Okudzhava, Kh. Z. (2024). Mirovoy opyt primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy v gosudarstvennom upravlenii [World experience in the application of digital technologies in public administration]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], *14*(9), 3281–3293.
 11. Pogodina, I. V. (2022). K voprosu ob izmenenii otnosheniy mezhdru grazhdanami i gosudarstvennoy administratsiyey v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy [On the question of changing relations between citizens and public administration in the era of digital technologies]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State Power and Local Self-Government], *2*, 3–5.
 12. Romanovskaya, O. V. (2024). Pravovyye osnovy tsifrovogo gosudarstva [Legal foundations of the digital state]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], *12*(2), 76–85.
 13. Shibyanov, A. P. (2024). Tsifrovizatsiya kak instrument vzaimodeystviya organov vlasti s malym i srednim predprinimatel'stvom [Digitalization as an instrument of interaction between government bodies and small and medium-sized enterprises]. *Barometr ekonomiki, upravleniya i prava* [Barometer of Economics, Management and Law], *3*(39), 81–84.
 14. Simonov, K. V. (2023). Gosupravleniye na rasput'ye: ruchnaya vertikal', instituty ili tekhnologii? [Public administration at a crossroads: Manual vertical, institutions or technologies?]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], *13*(1), 15–20.
 15. Smorchkova, L. N. (2022). Tsifrovoye pravitel'stvo kak perspektiva gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: informatsionno-pravovyye aspekty [Digital government as a prospect of public administration in Russia: Information-legal aspects]. *Pravovaya informatika* [Legal Informatics], *2*, 25–33.